

УДК 94

РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО КАК СОЦИОГЕННЫЙ ПРОЦЕСС

ШИПИЛОВ Андрей Васильевич,доктор культурологии, профессор кафедры философии,
экономики и социально-гуманитарных дисциплин
Воронежский государственный педагогический университет**АННОТАЦИЯ.** Реформы Петра Великого можно рассматривать не только как преобразование старого общества, но и как создание нового.**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** реформы, общество, идентичность, аристократия, монархия, революция, культура.**SHIPILOV A.V.,**Dr. of Culturology, Professor of the Department of Philosophy,
Economic, Social and Humanitarian Disciplines
Voronezh state pedagogical university

PETER THE GREAT REFORMS AS A SOCIOGENIC PROCESS

ABSTRACT. Peter the Great's reforms can be seen not only as a transformation of the old society, but also as creating a new society.**KEY WORDS:** reforms, society, identity, aristocracy, monarchy, revolution, culture.

Время конца XVII – середины XVIII веков представляет собой эпоху генезиса нового социума, иного по отношению к предшествующему, от которого этот последующий отличается качественно, или, точнее, субстанционально. Это действительно новая социальная сущность, новый субъект исторического процесса и новый объект исследования. Мы все не утверждаем, что Петербургская империя не имела никакого отношения к Московскому царству; но отношение возможно лишь между разными, различными, разнотелными объектами, и эту-то различность и разнотелность нам и требуется подчеркнуть. Если мы считаем, что в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же социумом, то тогда нам следует говорить об одном и том же неделимом историческом периоде – неделимом на допетровскую и послепетровскую эпохи (как это делает, например, Ключевский, рассматривающий время с начала XVII до половины XIX века как единый «период всероссийский, императорско-дворянский, период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского» [1]). Если же мы подразумеваем, что XVIII – первая половина XIX вв. есть период, принципиально отличающийся от предшествующего (как считали Устрялов, также Соловьев и множество других авторов [2; 3]), то речь у нас пойдет об особом социуме, качественно отличном от предшествующего.

Реформируя старое общество, Петр I создавал новое – ведь создание нового общества всегда представляет собой реформацию, преобразование старого. Всякий новый социум составляется из групп и индивидов, входивших в состав некоего старого социума, существовавшего первому по времени. Этот старый социум получает новую форму, в то время как его собственная, старая форма разрушается или «снимается», и он, таким образом, становится материей, субстратным наполнением нового. Старая общественная структура,

социальное устройство деактуализируются; вся эта предшествующая структурность и устроенность попросту игнорируется новым социумом и выпадает из реальности в чистую историю. Создать нечто из ничего под силу только божеству; человеческие же сообщества создаются или возникают одно из другого, хотя при этом социум, служащий исходным материалом для появления иного, теряет свою «чтойность» и, действительно, в этом смысле обращается в ничто.

Иначе говоря, в этом составлении новых композиций из старых компонентов неизбежно происходит смена идентичности; то, насколько это будет тотальным, зависит от способа и конкретных обстоятельств создания/возникновения нового социума. Самой нестабильной составляющей социальной идентичности обычно является политическая тождественность, самой стабильной – религиозно-конфессиональная. Как бы то ни было, изменение одной, нескольких или (редко) всех составляющих создает разрыв в социальной хронологии. Начинается новый отсчет социального времени, которое само по себе достаточно автономно по отношению к физическому, природному времени. В принципе, эти перерывы непрерывности происходят непрерывно – разница только в масштабе, значимости и степени приближения; социоисторическая эволюция непрерывна, и если одни ее моменты мы рассматриваем как примеры генезиса новых обществ (народов, государств), а другие – как примеры реформации старых, то наша оценка по сути дела зависит от количества источников, которых тем больше, чем ближе данная эпоха к дню сегодняшнему. Вычленение из исторической длительности отдельных фактических сгущений, автономных конкреций, т.е. самостоятельных социально-политических (и больше социальных, чем политических) единиц есть вопрос методологии; и в историческом, и в географическом отношении по крайней мере со времен неолита на Земле нет пустых мест и временных лакун – «темные века» и «безлюдные пустыни» есть продукт недостатка исторических источников или адекватных исследова-

тельских методик. Древняя история видится нам пунктиром – отдельные социумы рождаются, развиваются, взаимодействуют и гибнут, а вот в новой или новейшей истории господствуют непрерывность и преемственность – ничего не возникает впервые и ничего не гибнет окончательно; это анахронизм (хотя и неизбежный). Могут сказать, что не следует рассматривать эпоху XVIII–XIX веков как историю некоего особого общества, так как сами члены этого общества так не считали и сохраняли как внешнюю традицию, так и внутреннюю идентичность с предшествующим. Не вдаваясь в спор о степени сохранности того и другого, можно указать на преимущественно методологическую природу этого вопроса: дело в том, что историки далеко не всегда склонны соглашаться с мнением непосредственных участников исторического процесса – скажем, жители запада, а тем более востока Средиземноморья и после 476 г. продолжали считать себя римлянами, однако мы им не верим и считаем эпоху Великого переселения народов временем, когда одно общество закончило свое историческое существование, а другое к нему приступило (впрочем, Гиббон в своей «Истории упадка и крушения Римской империи» рассматривал время от правления Траяна до взятия турками Константинополя как единую эпоху, хотя и членимую на периоды [4]).

Однако дальнейшее рассмотрение всех аспектов этой гео-методологической проблемы увело бы нас от заглавной темы. Изучая жизнь и деятельность Петра Великого, нельзя не обратить внимание на удивительное сходство биографически-исторического сценария с мифологическими сюжетами, повествующими об основателях новых обществ и/или государств. Особа царской крови, после недолгих лет счастливого детства, волей судьбы и могущественных политических противников оказывается в изгнании, растет в низкостатусном социальном окружении, возмужав, собирает дружину из преданных людей и возвращает себе трон, однако не останавливается на этом и создает новый социум на новых основаниях, которому уготована великая будущность. Так и кажется, что читаешь Тита Ливия, его «Историю Рима от основания города»; наверное, если бы Петр жил тысячу лет раньше и у нас не было бы такого количества источников, его сочли бы мифологическим героем вроде Ромула. У Аполлодора в «Мифологической библиотеке» подобные истории встречаются десятками. Это инвариант героического мифа вообще, здесь все налицо: младший сын любящего, но рано умершего отца, враждебное отношение детей мачехи, собственное героическое детство – «удивительные способности и раннее достижение зрелости», последующее «изгнание героя из своего социума», которое «мотивировано... опасностью, которую он представляет для... вождя», «временная изоляция и странствия в других странах», «борьба с демоническими противниками», добыча в «отдаленных местах, иных мирах» готовых культурных объектов; «активность героя в развитых образцах мифа и эпоса способствует формированию особого героического характера – смелого, неистового, склонного к переоценке собственных сил» – и т.д. и т.п. [5]. Культурный герой и demiurge – вот кем предстает Петр I, и у будущих, а может, и настоящих Фоменко и К^о есть все основания, чтобы объявить мифом первого императора и всю его эпоху.

Этот изоморфизм, структурное тождество мифологических сюжетов о культурных героях и реальной истории жизни и деятельности Петра I имеет свое логико-социологическое объяснение. Действительно, чтобы создать новый социум, для начала нужно каким-то образом выйти из старого. Такой выход вонне сопровождается освоением чужого и отчуждением своего, поэтому третья фаза этого социо/политогенеза выглядит од-

новременно творением нового общества из материала старого и переустройством старого на новый лад (при этом «новое» закономерно тождественно «чужому», а «старое» – «своему»). Таковы необходимые инвариантные условия, при которых только и возможен любой социогенез: творец нового общества является продуктом старого (должен же кто-то сотворить его самого), он выходит за рамки старого (не обязательно буквально-топологически, но в политическом и социокультурном отношении непременно), иначе ему не создать нового, а выйти он может только в чужое, иное общество, т.е. стать носителем чужеродных влияний, потому его главное дело – создание нового социума – выглядит как реформация, преобразование старого путем внедрения заимствований со стороны. Логика этого алгоритма не изменится даже в том случае, если настаивать на том, что создается государство, а общество складывается: является двигателем процесса воля конкретного политического лидера или интересы более или менее анонимных социальных групп, происходить он будет существенно одинаково.

Действительно, будучи фактически изгнанным из Кремля и оказавшись в Преображенском, Петр попал в окружение людей полуопальных или просто удаленных от большого дворца, какими были партия Нарышкиных и весь преображенский придворный штат. И он, и его люди были на положении полу-изгоев, и естественно, что все попытки самоутверждения этой группы приобретали по отношению к Кремлю негативный, отрицательный характер. Царь идет от противного, он приближает к себе захудалых дворян и иностранцев из Немецкой слободы, этого культурно-конфессионального инородного тела в структуре московского вотчинного государства. Его раздражают сами формы жизни московского царствующего дома, и он собирает свою «компанию», настоящую дружину с ее подчеркнuto неформальным общением. Ф.М. Апраксин, Ф.А. Головин, А.Д. Меншиков, Г.И. Головкин, А.А. Винуис, А.В. Кикин, Б.А. Голицын,

Т.Н. Стрешнев, А.И. Репнин, Ф.Я. Лефорт, Ф.Ю. Ромодановский обращаются к царю без титулов, ведут дружескую шутливую переписку и пр. Петр сам бессознательно играет роль дружинного вождя: он властвует не потому, что получил эту власть и монарший сан по наследству, а потому что он лучший, первый – в ремеслах, военных делах и прочем, постоянно доказывает, что он все умеет – и строить корабли, и рвать зубы; царское положение ему и велико, и мало одновременно, находиться в нем все равно что носить одежду с чужого плеча – и размер не тот, и покрой не устраивает.

Петр как бы не хочет быть царем (Нартов вспоминал: «Я знаю достоверное, понеже я слышал из уст монарших, что он сказал так: "Если бы я не был царем, то желал бы быть адмиралом великобританским"» [6]). Но это не голштинские мечтания Петра III о мундире прусского генерала и не идиллические размышления Александра I о маленьком домике на Рейне: Петру претит не царский статус, а царский имидж. Единственными царями, которых он видел в более или менее сознательном возрасте, были его братья Федор и Иван, болезненно-бессильный облик и поведение которых никак не могли послужить образцом для подражания. Скорее бессознательно, чем обдуманно Петр начинает свою трагедийную эпопею: с начала 90-х гг. Ф.Ю. Ромодановский, начальник Преображенского приказа, получает титул «князя-кесаря», по отношению к которому сам царь выступает подданным, равно как и остальные члены компании. Самому Петру среди «своих» больше

нравится быть бомбардиром или капитаном, нежели царем – иными словами, ему не нравится быть «царем». О серьезности этой «игры» говорит ее продолжительность – Петр обращался к Ромодановскому как к «государю» не только во времена Азова, но и во времена Полтавы; более того, после смерти в 1718 г. Федора Юрьевича функция князя-кесаря перешла к его сыну Ивану Федоровичу, и император продолжал писать донесения последнему как «Вашего величества нижайший слуга Петр» вплоть до самой смерти [7]. И масштаб: отталкивание, негация образа «царя» со временем интериоризировалась, превратившись в настоящую фобию, проявлявшуюся не только в бесконечных маскарадах и переодеваниях, но и в том, что Петр, будучи не только официально (в Уставе воинском 1716 г. говорилось: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах отчета дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко самовластный государь, по своей воле и благомнению управлять»), но и в высшей степени реально неограниченным монархом, в течение всей жизни предпочитал играть в себя как далеко не первого человека в государстве (его служба, упорное нежелание быть главнокомандующим и пр.) [7]. Настоящий доминус, он не хотел выглядеть даже принцепсом – так внешнее противопоставление преображенского изгоя кремлевским противникам перешло во внутреннее отталкивание радеющего об «общем благе» императора от воображаемой персоны государя-вотчинника (разумеется, это было не столько сознательным, сколько бессознательным, и реализовывалось не в отрешенных рассуждениях, а в эмоциональном поведении).

Хорошо известно, что в окружение Петра I входило довольно много людей не то что незнатных, а попросту «подлых», в то время как множество знатных титулованных и нетитулованных родов не удостоивались царского внимания. Появившись в Преображенском, эта сугубая избирательность стала характерной чертой всего петровского царствования, отлившись в знаменитую формулу «Знатное дворянство по годности считать!» [8]. Об этом много писали современники – и русские, и иностранцы. Князь Борис Иванович Куракин (аристократ из Гедиминовичей, женатый на Ксении Лопухиной – сестре первой жены Петра, военный и дипломат) вспоминал в 1727 г. о начале петровского правления: «И от того времени простого народу во все комнатные службы вошли, а знатные персоны отдалены... И в том правлении наибольшее начало падения первых фамилий, а особливо имя князей было смертельно возненавидено и уничтожено как от его царского величества, так и от персон тех правительствующих, которыхя кругом его были для того, что все оные господа, как Нарышкины, Стрешневы, Головкин, были домовсамого низкаго и убогаго шляхетства и всегда ему внушали с молодых лет противу великих фамилий. К тому ж и сам его величество склонным явился, дабы уничтоживанием оных отнять у них повоир весь и учинить бы себя наибольшим сувереном» [9]. Служивший в 1710–1724 гг. в России шотландец Питер Брюс в своих «Мемуарах» пишет: «Царь не принимал во внимание высокого положения по рождению и фамилии, но в каждом случае возвышал за заслуги даже самых худородных плебеев, говоря, что высокое происхождение – только случай, не сопровождаемое заслугами, учитывать не должно. История едва ли знает подобный пример, когда бы столько людей низкого происхождения поднялось до таких высоких званий, как в правление

царя Петра, или когда бы так много людей самого высокого происхождения и богатства опускались в жизни до самых низших чинов» [10]. Сам Петр заявлял: «Я почитаю заслугами своими отечеству доставивших себе знатность и уважаю их потомков, каковы например Репнины и им подобные; но тот однако же из потомков знатных родов заслуживает презрение мое, которого поведение не соответствует предкам их; и дурак сноснее в моих глазах из низкого роду, нежели из знатного» [8]. И такое отношение стало частью петровской традиции, в принципе определявшей собой всю первую половину XVIII века, так что обойденным монаршим вниманием (или не обойденным вниманием Тайной канцелярии) представителям старой знати оставалось только сетовать на судьбу, как то делает Н.Б. Долгорукая (в девичестве Шереметева – жена фаворита Петра II, князя Ивана Алексеевича) в своих «Своеручных записках»: «Не всегда бывают счастливы благородные; по большей части находятся в свете из знатных домов происходящие бедственные, а от подлости рожденные происходят в великие люди, знатные чины и богатства получают» [11].

Но Куракин был не прав, считая, что Петр «отнимал повоир» у знати для того, чтобы «учинить себя наибольшим сувереном»; получив обучение в Венеции и проведя жизнь посланником в Голландии, Франции, Германии, Англии и др. европейских странах в различных «негациях с другими потенциями», этот русский князь смотрел на отечественные реалии глазами европейца и пытался осмыслить происходившее в России в понятиях и категориях, возникших в другом месте и в другое время, – не случайно в его «Гистории о царе Петре Алексеевиче» то и дело мелькают экзотические русско-европейские словообразования вроде «воеводы-аншефа» или «Сибирского королевства» [9, с. 357, 367, 368]. Петр не боролся с аристократией, потому что никакой аристократии в России того времени просто не было. Как пишет Е.В. Анисимов, «русское общество многие века состояло не из иерархии господ, а из иерархии холопов, попиравших друг друга» [12]. Боярство XVII века не было благородным сословием, так как сословий не было вообще, это был лишь определенный чин служилых людей (хотя и высший). Эта знать не имела закрепленных в законе прав и привилегий, у нее напрочь отсутствовало корпоративное сознание и поведение, поэтому неудивительно, что, по известному выражению С.М. Соловьева, «новая Россия не наследовала от старой аристократии, она наследовала только несколько знатных фамилий или родов, которые жили особно, без сознания общих интересов и обыкновенно во вражде друг с другом» [13]. Князь или боярин мог в любой момент лишиться своих вотчин и отправиться в Сибирь вместе со всем своим родом. Кроме того, боярство не наследовалось, а княжеский титул сам по себе никак не сопрягался с высоким социальным и имущественным статусом – многие князья, возводившие свой род к Рюрику или Гедимину, служили младшими офицерами или вовсе купеческими приказчиками. Так что не стоит удивляться, встречая в мемуарах современников выражения вроде того, что оставил в своих записках под 1698 годом И.А. Желябужский: «А в Преображенском записывали в драгуны детей боярских и князей небогатых, прибирали их в роты». У того же Желябужского мы читаем, как князей и бояр бьют кнутом и батогами, пытаются, казнят, ссылают, отнимают «честь» и поместья, переводят в дети боярские и т.д. – благо, было за что. Так, в 1685 г. «князю Петру Крапоткину

чинено наказание перед Московским Судным приказом, бит кнутом за то, что он в деле своровал, выскреб и приписал своею рукою» [9, с. 403, 454]. И это еще невинные шалости – в 1688 г. князь Лобанов-Ростовский, владелиц нескольких сотен крестьянских дворов, был бит кнутом за грабежи на большой дороге, что, впрочем, ничуть не помешало ему через несколько лет стать капитаном Преображенского полка [9, с. 405; 1, с. 420].

Своим отношением к знати Петр напоминал не греческого тирана, а эллинистического монарха: он не боролся с аристократией и не создавал ей противовеса в лице высокопоставленных простолюдинов (в тех же потешных Меншиков служил вместе с князем Голицыным, а позднее бок о бок с Шафировым, Ягужинским, Девиером, Остерманом, Макаровым, Курбатовым, Нестеровым и прочими «подлорожденными» действовали представители старомосковских титулованных и нетитулованных родов – Голицыны, Долгорукие, Шереметевы, Бутурлины, Головины и пр.), он подбирал людей по принципу верности и служебной пригодности, игнорируя социальное происхождение. Петр создавал новое общество, поэтому не обращал внимание на то положение, которое занимали его сотрудники в старом; этот старый московский социум был для него настолько же чужим, насколько своим был европейский мир, выходцы из которого пополняли ряды его сотрудников на равных с этническими русскими.

Введение новой одежды, нового шрифта, нового летоисчисления, распространение новой лексики – все эти непеременимые составляющие социальных революций говорят о желании Петра (вопрос – насколько осознанном) создать новое общество, начать новый отсчет истории, поэтому к социокультурным устоям старой Москвы он относился с веселым равнодушием. Он не кощунствовал, ибо не верил – точнее, был ино-верцем; его не интересовало, кто прав в вопросе о хлебопоклонной ереси или проблеме перстосложения, он просто превращал монастыри в госпитали и облагал старообрядцев двойными податями. Петр не был нигилистом, не пародировал (травестировал, высмеивал, развенчивал) умышленно старые нормы и ценности с целью их дискредитации. Если считать, что его знаменитые святочные маскарадно-карнавальные «славления», от которых, по словам Куракина, «ругательство началось знатным персонам и великим домом, а особливо княжеским домом многих и старых бояр» были формой борьбы со знатью, а не менее одиозный «сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор», копировавший церковную иерархию и богослужение, создавался для под-

рыва церковного авторитета, тогда придется признать, что и свадьба карликов 1710 г. была умышленной пародией на брак Анны Иоанновны с герцогом Курляндским. А случай на другой свадьбе (в Ростове, где Екатерину Иоанновну выдавали замуж за Карла-Леопольда), когда царь собственноручно отколотил фурыера герцога Мекленбургского, служил признаком изменения российской внешнеполитической линии [9, с. 405; 14; 15].

Старое и новое взаимно отталкивались друг от друга, взаимное отчуждение было более чем очевидным – оно просто бросалось в глаза: как для Петра «бородачи» были чужими, варварами, так и он воспринимался народом в качестве того или иного варианта «чужого» – антихриста или самозванца. Удивительно, насколько похоже, просто идентично поведение Петра I и Лжедмитрия I – самостоятельность, личное участие во всех делах, широкие внешнеполитические планы, приближение незнатных и иноземцев, интерес к европейской культуре, отношение к придворному церемониалу как к китайским церемониям, общение с простолюдинами, личное обучение солдат и так далее, вплоть до стрельбы из пушек и штурма земляных крепостей.

Но Петр не был человеком, который пришел со стороны для того, чтобы захватить власть и править этим царством, он был тем, кто захватил власть для того, чтобы уйти в сторону, и там, в этой чужой стороне, или стороне «чужого», учредить свое государство и править в нем. Это классическая технология вторичного политогенеза, известная в европейской политической традиции с эпохи диадохов и даже младшей тирании в Греции: основатель нового государства опирается на поддержку друзей и сотрудников разного социального статуса и разной же этнокультурной принадлежности и завоевывает новые территории, что позволяет лучше контролировать старые. Петр I предпочитал Юлия Цезаря Александру Македонскому, но все трое действовали по одному алгоритму: Петр завоевал Прибалтику, как первый – Галлию, а второй – Персидскую империю; подобно Александру, Петр основал на чужой земле город своего имени и, подобно Цезарю, стал первым императором у себя на родине. В российской традиции можно также сравнить Петра Великого с Иваном Грозным – с его опричниной и земщиной, Александровской слободой в роли столицы и Симеоном Бекбулатовичем в роли государя. Очевидная изоморфность этих (и многих других) структурных элементов стандартного государствообразования говорит о типичности «случая Петра».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ключевский В.О. О русской истории / В.О. Ключевский. – М., 1993. – С. 16.
2. Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года : в 2-х ч. / Н.Г. Устрялов. – Петрозаводск, 1997. – С. 31.
3. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России / С.М. Соловьев. – М., 1990. – С. 426.
4. Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи / Э. Гиббон. – М., 1994. – С. 15.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2-х т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 296–297.
6. Россию поднял на дыбы... : в 2-х т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 541.
7. Павленко Н.И. Петр Великий / Н.И. Павленко. – М., 1994. – С. 510, 162, 485.
8. Петр Великий в его изречениях. – М., 1994. – С. 105, 107.
9. Россию поднял на дыбы... : в 2-х т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 376, 382.
10. Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях / Ю.Н. Беспятых. – Л., 1991. – С. 184.
11. Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX веков. – М., 1990. – С. 42.
12. Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725–1740 / Е.В. Анисимов. – СПб., 1994. – С. 147.
13. Соловьев С.М. Сочинения : в 18 кн. Кн. X. Т. 19–20 / С.М. Соловьев. – М., 1993. – С. 118.
14. Бахтин М.И. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.И. Семевский. – М., 1989. – С. 80.